

RU

Идея патриотизма в критической философии И. Канта

Килин С. В.

Аннотация. Цель исследования - раскрыть особенности понимания идеи патриотизма в критической философии Иммануила Канта. Научная новизна исследования состоит в обращении к проекту критической философии Канта через призму выявления в его творчестве идеи патриотизма. В результате исследования выявлены особенности понимания идеи патриотизма в философии Канта, основной из которых является определение верного соотношения случайных явлений патриотизма и априорных форм, способствующих истинному пониманию патриотизма.

EN

Idea of Patriotism in I. Kant's Critical Philosophy

Kilin S. V.

Abstract. The aim of the research is to reveal the peculiarities of understanding the idea of patriotism in Immanuel Kant's critical philosophy. The scientific originality of the research consists in appealing to the project of Kant's critical philosophy through revealing the idea of patriotism in his works. As a result, the study discovers the peculiarities of understanding the idea of patriotism in Kant's philosophy, the main of which is determining the correct correlation between random phenomena of patriotism and a priori forms that contribute to the true understanding of patriotism.

Введение

Актуальность темы исследования заключается в рассмотрении проекта трансцендентальной философии Иммануила Канта с позиции идеи патриотизма. Традиционно философия Канта исследуется в истории философии через призму его влияния на последующую метафизику, эпистемологию, онтологию и этику, однако достаточно редко (а в отечественной мысли тем более) Кант рассматривается через такую особую тему политической мысли, как патриотизм.

Для реализации поставленной цели применяется герменевтический метод исследования, а также традиционные логические методы анализа и компаративистики.

Теоретической базой для исследования послужили работы Иммануила Канта (1994а-е), а также историко-философский контекст, предшествующий становлению идеи патриотизма до эпохи немецкого идеализма.

Практическая значимость исследования заключается в формировании современной идеи патриотизма, обоснованной достижениями мысли основателя немецкого идеализма.

Основная часть

Историческое развитие патриотической идеи в античной культуре пришло к противоречию исходной для нее полисной формы патриотизма и космополитической тенденции ее закатного имперского периода. Поэтому в философии и теологии Средних веков реальное государство как предмет патриотических чувств было дополнено идеальным государством, разрешающим земные противоречия на небе. Средневековое христианство, в противоположность античному этатизму, требовало от личности посвящать все свои силы духовным исканиям, стремящимся к идее государства, предсуществующей в божественном духе. Философская мысль Нового времени, преодолевая схоластический дуализм земного и небесного, признаёт в земном государстве высшую, божественную ценность. По словам Гегеля (1976), «в организации государства божественное вторгается в действительность и проникает ее собой, так что мирское оказывается оправданным в себе и для себя, ибо его основу составляет божественная воля, закон права и свободы» (с. 400). Тем самым эта мысль создает предпосылки для формирования понятия национального Отечества, основанного свободной волей

граждан государства, поскольку оно мыслится как договорной союз равноправных соотечественников, призванный законодательно упорядочить жизнь раздираемого страстями гражданского общества. Однако философия той эпохи лишь рассудочным образом примиряла противоположные представления о государстве в античности и в Средневековье, различая в патриотизме эмпирическую и метафизическую составляющие. Опыт давал эмпиризму от Френсиса Бэкона и Джона Локка до Дэвида Юма материал для познания единичных патриотических явлений, но не позволял ему постичь всеобщую сущность патриотизма, которая необходимым образом соединяла бы многообразие их особенностей. Метафизика же от Рене Декарта и Бенедикта Спинозы до Готфрида Вильгельма Лейбница в поисках необходимой связи этих явлений, напротив, абстрагировалась от опыта, приходя к абстрактному представлению о всеобщем, не имеющем реальности. Отсюда и возникла немаловажная проблема целостного, истинного понимания патриотизма. Несовершенство его постижения философией Нового времени заключалось в том, что с помощью своих дополняющих друг друга методов (анализа и синтеза, или индукции и дедукции) она еще не могла достигнуть сознания того, что необходимым элементом истинного бытия любого предмета познания выступает мышление. Как справедливо подчеркивает Е. С. Линьков (2012), «объективный процесс познания в эмпиризме и метафизике Нового времени одинаково оказывается стихийным. Это такой процесс мышления, в котором мышление не знает себя самого» (с. 289).

Иммануил Кант первым логически аргументирует вывод о том, что физическая природа и душа познающего ее человека, взятые отдельно друг от друга, пребывают в сфере случайности. Необходимая связь явлений внешнего и внутреннего мира не очевидна – как существенная, она требует философского рассмотрения и раскрытия. Только мышление субъекта открывает в случайном всеобщность и необходимость, которые и составляют, по Канту, истинную объективность. Исходя из этого, Канту становится ясно, что понятие объективное (т.е. всеобщее и необходимое) единство патриотической идеи, раскрывающейся в многообразии единичных явлений реального бытия особенных государств и патриотического сознания их граждан, невозможно без исследования самой способности познания. Поскольку для человека не существует явлений патриотизма вне отношения его мышления к этим явлениям, требуется, прежде всего, обратить внимание на форму мышления.

Согласно Канту (1994с), патриотическое умонастроение, которое по праву можно назвать возвышенным, не может возникнуть из явлений патриотизма, воспринимаемых непосредственно – чувственным образом. Чувственная перцепция вообще никак не связана с возвышенностью помыслов и убеждений: «...возвышенное в собственном смысле слова не может содержаться ни в одной чувственной форме и относится лишь к идеям разума» (с. 83). Действительно, явления внешней природы возвышают наш дух не своими гигантскими пространственными масштабами, а своей красотой, внутренней целесообразностью, которая скрыта от чувств и оттого постигается только мышлением. Точно так же и возвышенность патриотического духа являет себя лишь в разумном умонастроении человека. Только оно выражает настоящую безграничность патриотизма – истинную бесконечность жертвенной любви к Родине-матери и творческой, созидательной любви к Отечеству как части мирового целого.

Если объективное существует не во внешнем мире, а в мышлении субъекта, то именно мыслимая нами патриотическая идея, или понятие разума с необходимостью, соединяет всеобщее с особенной реальностью семейного очага, общины и государства, а также с единичными патриотическими поступками граждан. Таким образом, не реальные проявления патриотизма инспирируют истинный патриотизм, и не абстрактные, рассудочные убеждения того или иного человека, но сама истина как отношение мышления и бытия, в котором всеобщее, принадлежащее разумному мышлению, целиком и полностью определяет особенное бытие познаваемых рассудком патриотических явлений, даваемых чувственностью в виде единичных поступков людей. Взаимосвязь столь же нераздельных, сколь и неслиянных моментов всеобщего, особенного и единичного в разумном понятии патриотизма образует возвышенную внутреннюю цель, или единое идейное содержание различных форм патриотического поведения, а внешние, рассудочные цели такого поведения диктуются обыденными представлениями эпохи, ее преходящими ценностями, мнениями людей и полезностью.

Итак, сущность патриотизма не сводится к данным в опыте единичным чувственным созерцаниям и рассудочному мышлению особенных законов его явлений, но состоит в их изначально разумной связи с всеобщим моментом патриотизма. Поэтому конкретное единство всеобщего, особенного и единичного должно априорно наличествовать в разуме человека – в мышлении понятия, или идее патриотизма. По Канту, историческое развитие общественно-политической реальности обусловлено этим разумно мыслимым априорным нравственным принципом, в то время как наличное бытие того или иного особенного государства определяется его эмпирически существующим законодательством. Но если начало нравственности изначально заключено в чело-веческом духе, то его осуществление зависит только от свободной воли человека. Из этого следует, что идея патриотизма и вдохновляемого ею стремления людей к разумному общественно-политическому устройству с необходимостью требует уничтожения всех форм господства и утверждения личной свободы, правового равенства всех людей. Кант (1994е) определяет государство как единство множества людей, объединенных всеобщим правовым законодательством. Стало быть, по-настоящему патриотической является такая культура моральности в нас, которая вызывает сознательное самопринуждение личности к патриотическим поступкам, свободную волю к их уважению и, как результат, продвижение к созданию всё более совершенного, а значит, всё более разумного, общества и государства. Истинный патриотизм предполагает не слепое следование патриотическим чувствам и не сознательное убеждение в полезности, т.е. внешней целесообразности, патриотического поведения. Его цель ставится уверенной в себе свободной волей, уважающей исключительно внутреннее,

морально-нравственное законодательство разума: «Не ждать ничего от склонности человека, а ждать всего от верховной власти закона и должного уважения к нему или в противном случае осудить человека на презрение к самому себе и внутренне отвращение» (с. 201). Для этого человеку нужно стать господином самому себе – научиться управлять собой, уметь обуздывать и контролировать свои страсти (аффекты).

Поскольку эмпирическое в патриотизме, его единичные и особенные определения суть лишь отдельные моменты его понятия, но не это понятие в целом, постольку принцип эвдемонизма (эгоистического или альтруистического стремления исключительно к счастью – своему или счастью других людей, которое в обыденном представлении кажется более или менее случайным совпадением целей индивидов с обстоятельствами их жизни и деятельности) в кантовском идеальном государственном устройстве неприемлем, причем не только по причине того, что при стремлении граждан лишь к счастью неизбежен конфликт их интересов, который будет постоянно нарушать баланс социальных отношений. Этот принцип «негоден потому, что он подводит под нравственность мотивы, которые, скорее, подрывают ее и уничтожают весь ее возвышенный характер, смешивая в один класс побуждения к добродетели и побуждения к пороку и научая только одному – как лучше рассчитывать, специфическое же отличие того и другого совершенно стирают» (с. 221). Согласно Канту, руководствоваться по отношению к государству лишь прагматическими соображениями, рассматривая его исключительно как средство получения благ, складывающихся в субъективное представление о жизненном счастье, безнравственно и аморально. Русский мыслитель Н. А. Бердяев (1991) писал, присоединяясь к этому кантовскому положению: «...сила государства имеет не утилитарную цель, не для мещанского благополучия людей она существует, а для выполнения более высокой миссии» (с. 63). Этой внутренней целью государства, возвышающейся над внешним благополучием и комфортом его граждан, которые, пользуясь преимуществами совместной жизни, общественным способом удовлетворяют свои индивидуальные потребности, выступает автономная самостоятельность суверенного государственного организма, чья мощь направлена на реализацию идеи самого по себе существа блага – на достижение всеобщего блаженства, отнюдь не сводящегося к счастью всех и каждого.

Кант (1994d) видит в каждом человеке, возвысившемся до моральной свободы, способность брать на себя нравственные обязательства по отношению к себе самому как представляющему в своем лице весь человеческий род. Это означает, что каждый гражданин по сути своей есть точно так же неотъемлемая часть целого государства, как это государство – неотъемлемая часть целого человечества. Необходимым подспорьем утверждения нравственности в духе индивида является его моральная совесть. Немецкий идеалист убежден, что гражданину государства необходимо «культивировать свою совесть, всё больше прислушиваться к голосу внутреннего судьи и использовать для этого все средства», так как «совесть – не есть нечто приобретаемое... каждый человек как нравственное существо имеет ее в себе изначально» (с. 336). Помочь подрастающему человеку встать на единственно правильный путь бесконечного самовоспитания в себе морально-нравственного субъекта должно его воспитание – благожелательная помощь ему в детском, отроческом и юношеском возрасте со стороны других людей.

По-своему трактуя патриотизм, Кант (1994b) придает особое значение разумной форме содержания морально-нравственных поступков: «...именно в образе мыслей, а не в одних лишь поступках заключается то высокое достоинство, которое человечество этим путем может и должно произвести себе» (с. 459). Учитывая то, что патриотическому умунастроению предстоит охватить весь дух, всё сознание человека, утверждение такой установки мышления невозможно без постоянного самосовершенствования духовного индивида. Поэтому формирование патриотического мировоззрения, объединяющего в сознании личности данные опытом патриотические явления и раскрываемую разумным мышлением априорную сущность патриотизма, выступающую максимой нравственных решений, которые регулируют жизнь гражданина общества и государства, есть вообще показатель индивидуального взросления, духовного развития человека. Всеобщий момент патриотизма Кант (1994e) выражает явно космополитической максимой нравственной воли: «...поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого, так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» (с. 205). Эта, по видимости, абстрактная формулировка категорического императива становится вполне конкретной и ясной, если рассматривать патриотизм как нравственный принцип и умунастроение, которое мобилизует все силы и способности гражданина для развития своего народа и Отечества, а посредством них и человечества в целом.

Важную роль в воспитании истинного патриотического умунастроения играет проблема назревших изменений государственного устройства. Размышляя о ней, Кант (1994d) приходит к положению о неприменимости силовых, противоречащих принципу нравственной свободы и от этого несправедливых решений этой проблемы. В случае наличия в государстве даже нетерпимых недостатков классик немецкого идеализма видит долг граждан в том, чтобы свободно и целенаправленно совершенствовать государственный строй, не используя незаконных (читай: революционных) средств сопротивления политической власти. Правовое состояние требует добровольного подчинения народа всеобщему законодательству разума. Поэтому для того, чтобы иметь право сопротивляться власти, необходим публичный закон, который разрешал бы такое сопротивление народа, «то есть верховное законодательство содержало бы в себе определение, в силу которого оно не было бы верховным, а народ как подданный стал бы в одном и том же решении сувереном над тем, кому он повинует» (с. 353).

Более того, Кант (1994d) убежден во вреде публичных оценок, осуждающих правителей, так как это в корне подрывает авторитет государственной власти. Такие оценки, с его точки зрения, недопустимы потому, что объективная государственная реальность, какая бы она не была, тем самым ставится ниже абстрактной, внешней цели рассудка (всегда имеющей субъективный характер и быстро разрушаемой неразрешимыми субъективными

противоречиями между борцами за ее достижение), чем наносится ущерб разумному понятию всеобщего законодательства. «Идея государственного устройства вообще, которая в то же время представляет собой для каждого народа абсолютное веление практического разума, судящего в соответствии с правовыми понятиями, священна и неодолима; и хотя бы организация государства сама по себе и не была свободна от изъянов, всё равно ни одна подчиненная власть в государстве не может оказывать сопротивления действием законодательствующему главе его, а присущие ему недостатки должны быть постепенно устранены с помощью реформ, которые оно само проводит в отношении себя; ибо, в противном случае, если у подданных будет противоположная максима (поступать по самоуправному произволу), хороший государственный строй сможет быть создан лишь по воле случая. Веление: «Повинуйтесь правительству, имеющему над вами власть» – не допытываться, каким образом правительство пришло к этой власти (так допытываться можно лишь для того, чтобы ее подорвать); ведь правительство, которое уже есть, под властью которого вы живете, уже обладает законодательством, относительно которого вы и можете публично умствовать, однако не можете объявлять себя противостоящими этой власти законодателями» (с. 336).

Реализации идеи действительно разумного государства способствует, согласно Канту (1994а), развитие гражданского общества, необходимость разрешения противоречий которого служит основой всех созидательных политических инициатив. «Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую его вынуждает природа, – достижение всеобщего правового гражданского общества. Только в обществе, и именно в таком, в котором членам его предоставляется величайшая свобода, а стало быть, существует полный антагонизм и, тем не менее, самое точное определение и обеспечение свободы ради совместимости ее со свободой других, – пишет он, – только в таком обществе может быть достигнута высшая цель природы: развитие всех ее задатков, заложенных в человечестве; при этом природа желает, чтобы эту цель, как и все другие предначертанные ему цели, оно само осуществило» (с. 17). Осуществление этой разумной внутренней цели мировой истории Кант (1994d) именует *правом гражданина мира*. Оно реализуется через объединение всех народов для установления всеобщих законов их возможного общения в процессе развития цивилизации, что «путем постепенных реформ в соответствии с прочными принципами может при непрерывном приближении привести к высшему политическому благу – вечному миру» (с. 392). Выработка этих законов потому должна гарантировать мирное сосуществование множества живущих по соседству друг с другом людей и народов, что лишь в таком состоянии они смогут эффективно решать всё более сложные проблемы, встающие перед человеческим родом.

Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Непреходящая актуальность кантовской критической философии для всех, кто хочет уяснить себе понятие и идею патриотизма, заключается в том, что ее создатель первым отличил случайность единичных явлений внешнего и внутреннего мира от всеобщности и необходимости разумного мышления. Это мышление объективно направляется его собственными идейными определениями, благодаря чему именно оно способствует выработке истинно патриотического уонастроения. Однако вполне разумно примирить противоположности случайности и необходимости, равно как необходимости и свободы Кант не мог. Он мог примирить их лишь потенциально – в уходящем в бесконечность времени процессе осуществления нравственного долженствования, ведущего народы к вечному миру. Распадение человеческого духа в себе самом на априорные (всеобщие и необходимые, т.е. объективные) определения мышления и аффицируемую извне апостериорную субъективную чувственность привело Канта к признанию «вещи в себе» как разумно мыслимой, но самой по себе непознаваемой сущности – к дуалистическому распадению разума с определенностью внутреннего и внешнего миров, лишь явления которых эмпирическим путем познаются рассудком. Хотя это был уже не средневековый дуализм, однако нельзя не признать, что многообразные единичные явления патриотизма и их особенные законы не могут реально существовать и быть действительно познаны отдельно от всеобщности мышления, *только постулируемой* Кантом как их единая сущность. Поэтому другие представители немецкого классического идеализма, после него углубляясь в понятие и идею патриотизма, следовали не только кантовской мысли. Начатое великим кёнигсбергерцем конкретное мышление патриотической идеи продолжил Иоганн Готлиб Фихте, который предложил практический метод ее реализации, соответствующий условиям современной эпохи.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в том, чтобы проследить, как выявленные Кантом особенности соотношения случайного и существенного в осмыслении идеи патриотизма повлияли на последующих философов, в первую очередь на И. Г. Фихте.

Источники | References

1. Бердяев Н. А. Философия неравенства: письма к недругам по социальной философии // Бердяев Н. А., Франк С. Л. Русское зарубежье. Л.: Лениздат, 1991.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия религии. М.: Мысль, 1976. Т. 1.
3. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994а. Т. 4.

4. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994b. Т. 4.
5. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994с. Т. 5.
6. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994d. Т. 6.
7. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Сочинения: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994е. Т. 4.
8. Линьков Е. С. Лекции разных лет. СПб.: ГРАНТ ПРЕСС, 2012.

Информация об авторах | Author information

Килин Сергей Владимирович¹

¹ Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар

Kilin Sergey Vladimirovich¹

¹ Academy of Marketing and Social Information Technologies, Krasnodar

¹ tolpobeda@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.09.2021; опубликовано (published): 29.10.2021.

Ключевые слова (keywords): Иммануил Кант; патриотизм; идея патриотизма; трансцендентальная философия; явление; Immanuel Kant; patriotism; idea of patriotism; transcendental philosophy; phenomenon.